

Научник Лев Николаевич Россия. - 2005. - 1-7 сент. - с. 18

Разум, чувство, клавиши

Что такое русская классика и есть ли у нее будущее

Беседовала
Ольга Шатохина

На прошлой неделе в Москве прощались со Львом Наумовым, профессором Московской консерватории, о котором Святослав Рихтер когда-то сказал: «Замечательный, святой человек, верный последователь школы Нейгауза». Лев Наумов был твердо убежден, что классическая музыка в любые времена останется непреходящей ценностью. И пусть в нашу недобрую и бурную эпоху она нуждается в особой защите, но в будущем ее значение непременно возрастет... О знаменитой на весь мир «наумовской школе» газете «Россия» сегодня рассказывает один из учеников легендарного профессора — известный пианист Петр Дмитриев.

— Это очень грустное событие, и не только потому, что умер человек, такой человек... Можно сказать в утешение, что Лев Николаевич прожил хорошую, насыщенную, плодотворную жизнь, отметив в прошлом году свое 80-летие, вырастив десятки и сотни талантливых учеников, создав свою школу, «наумовскую», не похожую ни на какую другую. Лев Николаевич был уникальным педагогом и музыкантом, являясь продолжателем знаменитейшей традиции Генриха Густавовича Нейгауза, чьим учеником и ассистентом он был. Множество замечательных пианистов вышло из его класса — Алексей Любимов, Алексей Наседкин, Александр Чайковский, Александр Торадзе, Андрей Гаврилов, Владимир Виардо, Борис Петрушанский, Юрий Розум, Андрей Диев. У Льва Николаевича не было схем преподавания, таблиц, как учить, но он был такой человек, что мог прямо-таки магнетически влиять на людей, наводить на какие-то мысли, пробуждать творческие импульсы. В этом был его секрет. Я много раз слышал, что «наумовцев» можно сразу узнать по совершенно особенной манере игры.

— А в чем она, эта особенная манера?

Петр, ученик Льва, ученика Генриха

— Знаете, есть на Западе странная тенденция в последние 8–10 лет — забывать о существовании русской пианистической школы. Говорят, что это, мол, все какие-то эмоции, провинциальность, и ничего больше. Это, конечно, несправедливо. Русская классическая пианистическая школа дала миру многих западных звезд, которые и стали родоначальниками собственных школ. Это все началось в Петербургской и Московской консерваториях.

— Но все-таки в чем отличие?

— Отличие... Наверное, если не касаться совсем уж специальных вещей и не говорить о профессиональном, техническом совершенстве, которое обязательно должно быть как база, как необходимое условие... Лев Николаевич всегда был ориентирован на очень высокий уровень профессионализма. Но при этом умел и учил нас сочетать разум и чувство, не отдавая предпочтения

ни тому ни другому. Он умел пробудить в исполнителе эмоциональную живость и спонтанность, при этом, будучи сам теоретиком, безошибочно и безупречно ставил логику и форму произведения. Это очень важная особенность.

— И что, сейчас на Западе играют по-другому?

— Да, там сейчас другая эстетика. Некоторые даже жалуются на слишком эмоциональное, чувственное исполнение российских музыкантов, предпочитают более холодное, отработанное, взвешенное. И, наверное, менее индивидуальным подход к тому, что ты играешь. Лев Николаевич мог разбудить в человеке нечто индивидуальное, то, что именно этот музыкант мог привнести в исполняемое произведение. Современный западный подход требует отодвинуть свое «я» на второй план. Больше объективности, меньше своего. Сейчас на конкурсах наши ребята имеют меньший успех именно поэтому.

— Это временная тенденция, как вам кажется?

— Я думаю, что сухой академизм — это временно. Сравнительно недавно наши музыканты имели на конкурсах ошеломляющий успех, и если советский пианист отправлялся на конкурс, это означало, что он как минимум привезет какой-то приз или выиграет этот конкурс. И наших боялись! (Улыбается.) Авторитет нашей школы был непререкаемым. Думается, что нынешняя тенденция временная, через какой-то период эстетика снова может измениться. Но это не значит, что мы сейчас должны отказываться от своих традиций, наша школа — независимо от того, кто и какого о ней мнения сейчас, — лучшая школа в мире, это доказано и проверено!

— А от чего зависит успех пианиста? Может ли быть так, что талант и блестящее образование менее важны, нежели удачный выбор агента?..

— Успех состоит из многих составляющих, но я бы в первую очередь назвал профессиональную базу. Это то, что реально человек собой представляет и что он умеет. Но действительно, при этом даже все равно человек может не стать очень известным. Есть в классике много тому подтверждений, когда весьма талантливые люди остаются в тени. Здесь подключаются другие факторы — попасть в нужное время в нужное место, чтобы тебя в правильный момент подхватил грамотный менеджер, подсказал, как развить сильные стороны. Я даже не говорю про учителей, а про момент везения. Именно везения часто не хватает. Я могу судить по своим коллегам, соученикам, прошедшим вместе со мной ЦМШ, консерваторию, аспирантуру. Кто-то от безысходности бросает музыку, и это не значит, что он менее талантлив, чем те, кому повезло. Просто не сложилось... Успешность в нашем

деле тоже понятие относительное, потому что...

— Пианист не писатель — он не может работать в стол.

— Да-да, нельзя работать в стол, если нет публики, ты перестаешь быть артистом. Только лишь очень устойчивые психологически личности могут терпеливо и мужественно ждать своего часа. Как правило, люди теряют веру, уходят, переквалифицируются. И вообще, что значит успех в классической музыке? На сто процентов успешен — а по какой шкале?.. Аудитория меньше, это более элитарное занятие — слушать и играть классику. Не каждый осилит, тем более молодое поколение. Умение воспринимать такую музыку нужно развивать, выращивать в себе. А старая филармоническая публика постепенно уходит, ее все меньше и меньше. Наш успех несопоставим с успехом поп-музыкантов.

— Сколько же путей к успеху у классического пианиста, чем он может заниматься?

— В общем-то, когда в детстве тебя отдают на этот путь развития, ты все посвящаешь только музыке. Люди, выросшие на этом, похожи на спортсменов. И если человек так настроен, что ему остается... настройщиком роялей стать, если артистическая карьера не сложилась? Кто-то идет преподавать в музыкальную школу. В недавние времена многие талантливые ребята, получившие призы на хороших конкурсах, уезжали на Запад. Им казалось, что там открываются огромные перспективы... а на самом деле многие из них сейчас играют в барах и ресторанах. У меня есть приятель, который вместе со мной прошел и ЦМШ, и консерваторию, и аспирантуру у одного педагога, у Льва Николаевича. Он после того, как дела не заладились, концертов не было, музыку бросил. Теперь работает в консалтинговой компании, слава богу, не потерялся в жизни. Это один из примеров. Конечно, если говорить строго, профессиональный музыкант ни на что больше не годен, кроме как быть профессиональным музыкантом. А если он не востребован, то это настоящая трагедия. Но, как я уже говорил, наш успех — вещь в значительной степени абстрактная. Все сводится — высокопарно, конечно, но все равно скажу — к служению, что ли...